

На правах рукописи

Айыжы Елена Валерьевна

**Обряды жизненного цикла тувинцев России, Монголии и Китая:
традиции и инновации**

5.6.4. Этнология, антропология и этнография
(исторические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Казань-2024

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории, археологии и документоведения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тувинский государственный университет»

Научный консультант:

Карлов Виктор Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Официальные оппоненты: **Жуковская Наталия Львовна,** доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Бакаева Эльза Петровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Калмыцкого научного центра РАН

Содномпилова Марина Михайловна. доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Ведущая организация: **ФГБНУ Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук**

Защита диссертации состоится «28» мая 2024 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета КФУ.056.4 ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420111, г.Казань, ул. Лево-Булачная, д. 44, ауд. 13.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35.

Сведения о защите, автореферат и диссертация размещены на официальных сайтах ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (<https://vak.minobrnauki.gov.ru>) и ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (<http://kpfu.ru>).

Автореферат разослан «__» _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Гущина Е.Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Обряды жизненного цикла в рамках традиционной семейной обрядности относятся к числу наиболее активно исследуемых тем в современной российской этнографии. Актуальность во многом обусловлена тем, что обряды жизненного цикла являются весьма важными для нормального функционирования социума: они регулируют ритм жизни индивида, так и социума в целом.

Представление об обрядах жизненного цикла почти совпадает с понятием семейных обрядов, разница лишь в том, что семейная обрядность описывает среду, условия исполнения обрядов, тогда как обряды жизненного цикла составляют их сущность, т.е. макросюжет. По своим типологическим характеристикам они относятся к обрядам перехода.

В настоящее время сохранение традиционных обрядов того или иного этноса есть не только отражение его самобытности, но и возможность личной идентификации его членов в поликультурном пространстве. Предпринятое нами исследование обрядов жизненного цикла у тувинцев, живущих в Российской Федерации, Монголии и Китайской Народной Республике, в сравнительном контексте представляется весьма своевременным и актуальным, являясь одним из ключевых элементов самоидентификации народа, они позволяют сохранять особенности этнической культуры в условиях глобализации.

Проблемная составляющая исследования обусловлена тем, что изменения, произошедшие в традиционной культуре тувинцев под влиянием социальных потрясений прошлого века, способствуют выявлению элементов этногенетического и исторического единства тувинцев России, Монголии и Китая и дают возможность определить степень сохранности у них исконно традиционных черт. Изучение обрядов жизненного цикла у тувинцев поможет составить более полное представление об особенностях народного мировоззрения и мировосприятия, о доминирующих этнических константах, а также выявить механизмы функционирования традиционной культуры. При этом трансграничный характер исследования позволит получить представление о вариантивности данных процессов в зависимости от этнического окружения и социально-культурной специфики страны проживания.

В самом центре Азии¹ расположена небольшая Республика Тыва (РТ) – еще не до конца раскрытая сокровищница древней культуры. Казалось бы, она долгое время была изолирована от внешнего влияния, но это впечатление обманчиво – сотни горных троп соединяют Туву с сопредельными территориями. Республика расположена в бассейне верхнего Енисея, граничит на юге с Монголией, на западе – с Алтайским, на севере – с Красноярским краями, на северо-востоке – с Иркутской областью, на востоке

¹История Тувы. В 2 т. Т. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 3.

– с Бурятией. В виду географической расположенности и истории Тува была тесно связана с народами, проживающими на этих землях. Территория республики составляет 170,5 тыс. км². В настоящее время основная часть тувинского этноса проживает в Республике Тыва, с численностью 320 тыс. человек. Столица республики – город Кызыл². Республика Тыва является одним из 89 субъектов Российской Федерации, что способствует разносторонним контактам тувинцев с другими народами, распространению русского языка как языка межнационального общения народов России.

В пределах Российской Федерации немногочисленные группы тувинцев проживают в с. Верхнеусинское Ермаковского района Красноярского края (около 600 чел.) и в Иркутской области (около 200 чел.).

В Монголии численность тувинцев составляет не более 7500–8000 чел. Они живут пятью небольшими группами в значительном отдалении друг от друга: в сомоне Ценгел Баян-Ульгийского аймака (около 2500 чел.); в сомоне Буянт Кобдоского аймака и в городе Ховд (2500 чел.), в сомонах Орхон, Зуун-Бурен Селенгинского аймака (около 1000 чел.), в сомоне Заамар Центрального аймака (около 500 чел.), в сомоне Цагаан-Нуур Хубсугульского аймака (около 800 чел.). Тувинцы–оленоводы Хубсугульского аймака – называют себя «духа-кижи», «туха-кижи», монголы их называют «цаатаны».

В Китайской Народной Республике тувинцы расселены в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Алтайской префектуры в уездах Көк-Дугай, Ала-Хаак, Шунгур, Чемежек, Чингил, Хом, Ханас, Ак-Хаба, Хандагайты, и в городах Бурчин и Алтай. Общая численность составляет 3500 чел. Вместе с родоплеменной группой оорцаг (танды), идентифицирующих себя монголами, их насчитывается около 6000 человек. Места своего проживания тувинцы воспринимают как свою родину, хотя по соседству с ними живет немало других народов — казахов, монголов, дунган, уйгуров, китайцев. Термины *көк-мончак*, *мончак*, *алдай дывазы*, *дыва* маркируют самоназвание тувинцев, проживающих в Китае. Несмотря на это, в паспортах национальность указывается как «монгол», именно так называют их китайцы.

На территории Монголии и Китая группы тувинского этноса составляют этнические меньшинства и не имеют национально-территориальной государственности. В данной ситуации, безусловно, государственный фактор оказывает определяющее влияние на этническое развитие монгольских и китайских тувинцев.

С одной стороны, основная масса тувинского населения как в России, так и за ее пределами, в Монголии и Китае, сохраняет свой родной язык, этническое самосознание и определенные черты традиционной культуры. С другой, – взаимодействие с различными народами и необходимость приспособления к отличающимся друг от друга социально-политическим

²История Тувы. В 2 т. Т. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 4.

системам обуславливают несхожие траектории хода процессов сохранения и развития традиционной культуры в каждом из вышеуказанных регионов. Подобное сочетание схожего и различного позволяет исследовать один из важнейших аспектов народной культуры – обряды жизненного цикла, в сравнительной перспективе.

Научная разработанность проблемы. Историографической базой исследования послужили разработки отечественных и зарубежных ученых по изучению обрядов жизненного цикла: Арнольда ван Генеппа, Д. К. Зеленина, А. К. Байбурина, Ю. В. Бромлея, С. А. Арутюнова, Н. Л. Жуковской, С. И. Вайнштейна, И. В. Кульганек, В. В. Малявина; К. Д. Басаевой, В. Я. Бутанаева, Л. П. Потапова, Д. А. Функа, Э. П. Бакаевой, М. В. Монгуш, Т. И. Шараевой, Ж. М. Юша.

В отечественной историографии существует достаточно много интересных и разноплановых работ по самым разным аспектам истории, языка, культуры и этнографии тувинцев. Большинство из них посвящены тувинцам, живущим в Российской Федерации, где тувиноведение, как самостоятельная область отечественного востоковедения, получило значительное развитие в последние пятьдесят лет.

Анализируя степень изученности темы исследования, можно прийти к выводу, что несмотря на наличие обширного корпуса источников и литературы по обрядам жизненного цикла у тувинцев России, Монголии и Китая, вопросы сравнительно-сопоставительного анализа, который способен дать ключ к пониманию внутренних механизмов их развития и сохранения в условиях современной модернизации и глобализации, до сих пор не являлись предметом специального исследования ученых.

Объектом диссертационного исследования являются тувинцы России, Монголии и Китая, **предметом** исследования – механизмы взаимодействия культур в обрядах жизненного цикла, которые рассматриваются в сравнительном анализе тувинцев России, Монголии и Китая. Основное внимание уделяется родильным, свадебным и похоронно-погребальным обрядам.

Цель исследования состоит в комплексном изучении обрядов жизненного цикла у российских, монгольских и китайских тувинцев в конце XIX – нач. XXI в., в выявлении тенденций их развития в современный период и в корреляции их с местами проживания тувинского населения.

Достижение данной цели реализуется путем решения следующих **задач:**

- составить полное описание традиционной обрядности жизненного цикла и реконструировать структуру традиционных родильного, свадебного и похоронно-поминального комплексов отдельно у тувинцев России, Монголии и Китая на основе полевых, архивных и опубликованных источников;
- выделить семантически важные элементы указанных комплексов, определить их функциональную значимость в обрядах жизненного цикла;

- выявить степень сохранности и бытования обрядовых комплексов и их трансформацию, а также элементы возможных заимствований из обрядовой культуры соседних народов;
- проанализировать общие этнические константы и субэтнические особенности, характерные для обрядов жизненного цикла исследуемых групп;
- установить типологическое сходство обрядов жизненного цикла у тувинцев России, Монголии и Китая с такими же обрядами у народов Саяно-Алтая.

Изучение проблемы позволило сформулировать **гипотезу исследования**. Сибирь и Центральная Азия в XIX–XX вв. предстают как редкий уникальный регион, в котором взаимодействие культур этносов осуществлялось на основе их обычаев и обрядов жизненного цикла с опорой на мораль и ценности традиционной культуры. Тувинцы России, Монголии и Китая обладают единым комплексом обрядов жизненного цикла, в которых происходят сходные трансформационные процессы. Семейная обрядность имеет похожую структуру, а семантика данных ритуалов в культуре тувинцев трех стран сохраняет свою архаику в силу устойчивости специфики хозяйства и образа жизни, способствующих воспроизводству традиционных культурных кодов.

Традиции, сложившиеся к концу XIX в., стали определенным фундаментом, унаследованным современным обществом от прежнего мира, гарантом преемственности в духовном измерении, одним из механизмов этнического самосохранения. Вечным инструментом передачи норм и ценностей в силу своей консервативности выступают обряды жизненного цикла – родильные, свадебные и похоронно-поминальные.

Хронологические рамки исследования охватывают период, начиная с конца XIX в. и до нач. XXI в. Нижний временной рубеж (конец XIX в.) определяется появлением первых репрезентативных источников по предмету исследования — тувинцев России. Верхний рубеж определен двумя десятилетиями XXI в., когда появляются разноплановые публикации о тувинцах Монголии и Китая. Интерес вызван стремлением определить состояние национальной культуры тувинцев на фоне общероссийской, общемонгольской, общекитайской культур народов Центральной Азии. Кроме того, материалы полевых исследований, полученные от информантов, родившихся в пер.пол. XX в. и живущих в настоящее время, позволяют рассмотреть динамику изменений этнической культуры тувинцев России, Монголии и Китая.

Территориальные рамки исследования охватывают российскую Республику Тыва (Кызылский, Эрзинский, Тес-Хемский, Тоджинский, Каа-Хемский, Пий-Хемский, Улуг-Хемский, Чаа-Хольский, Дзун-Хемчикский, Овюрский, Бай-Тайгинский, Монгун-Тайгинский районы), где сосредоточена основная масса тувинского этноса; в Китайской Народной Республике в Синьцзян-Уйгурский автономный район (уезды Кок-Дугай, Ала-Хаак, Шунгур, Чемежек, Чингил, Хом, Ханас, Ак-Хаба, Хандагайты, а также

города Бурчин и Алтай); во Внутренней Монголии КНР - г. Хух-Хот; в Монголии — Баян-Ульгийский аймак (г. Ульгий, Ценгэл сомон, местностях Тоолайлыг, Кадыы, Беш-Богдо), Кобдоский аймак (г. Ховд, Буянт сомон, местность Ак-Эрик), Хубсугульский аймак (Цагаан-нуур сомон, Восточная и Западная тайга), Селенгинский аймак (Орхон, Зуун-Бурен сомоны), Увс аймак (г. Улангом), а также г. Улан-Батор, где компактно проживают отдельные группы тувинцев.

Теоретико-методологические основания исследования. Теоретическую базу диссертации составили работы отечественных и зарубежных историков, этнологов, культурологов и этнографов, а эмпирическую – обширный конкретный полевой материал по ритуалам и обрядам жизненного цикла у российских, монгольских и китайских тувинцев.

Принцип историзма позволяет изучать явления культуры в динамике их становления во времени, развития, изменения, когда они рассматриваются как определенная целостность, обладающая имманентным смыслом. Методы исследования, используемые автором, позволяет взглянуть на формирование традиций как на результат практического освоения региона тувинцами и другими народами, что находит свое отражение в нормах, ценностях, особенностях ментальности и духовной культуры. Естественной концептуальной средой для исследования комплекса обрядов жизненного цикла, выработанных в разных традициях тувинского общества, разделенного границами трех государств, на продолжительном временном отрезке является цивилизационный подход. Анализ составляющих этого процесса в контексте повседневной культуры кочевых народов представляет одну из задач данной работы. Кроме того, для выявления культурных ресурсов нами используется синергетический метод, анализируется взаимосвязь традиций и инноваций в родильных, свадебных и похоронно-поминальных обрядах тувинцев в исследуемых регионах. В работе применялись методы исторического исследования: историко-типологический, историко-сравнительный, использование которых было востребовано при анализе разных групп обрядового комплекса - родильной, свадебной обрядности, обрядов погребального цикла и позволило выявить общие и специфические черты в ритуальном комплексе тувинцев России и сопредельных территорий, определить степень трансформации обрядности вследствие иноэтничного влияния. Важное место в исследовании занимает диахронный метод, который позволил показать преемственность и динамику этнокультурных процессов в разные периоды.

В исследованиях ритуальной сферы тувинцев России, Китая, Монголии решению поставленных задач способствовали методы и подходы, разработанные Е. Самтером, Арнольд ван Геннепом, выдвинувших и доказавших концепцию о закономерности возникновения однородных обрядовых комплексов.

Одним из широко используемых методов исследования стал структурно-функциональный метод, с использованием которого, в частности, решались задачи классификации представлений и обрядов, сопутствующих им разрешающих и ограничительных мер, предметно-вещевого комплекса; выполнялся анализ социальной организации пространства жилища.

Из научных методов эмпирического исследования применялись методы включенного наблюдения и описания.

В связи с включением в диссертационную работу широкого круга полевых материалов были применены различные методы их собирания: непосредственное наблюдение, открытое глубинное интервью с аудиофиксацией, фото- и видеосъемка; описательный метод полученных материалов был дополнен системным и семантическим анализом, раскрывающим их содержание; рассмотрение процессов трансформации, адаптации и включения новых элементов в обрядность семейного цикла у тувинцев России, Монголии и Китая обусловили применение метода реконструкции.

Понятийный аппарат исследования. Вопрос об определении понятий «обряд» и «обычай» (или «традиция» и «ритуал») в исторической науке поднимался не раз. В работе И. В. Суханова «Обычаи, традиции, обряды» обряд рассматривается как одна из составных частей обычая. Обрядовая форма, по мнению автора, возникает только тогда, когда все остальные составные части обычая, традиции уже более или менее прочно утвердились в общественной или личной жизни³. Другой ученый — Д. М. Угринович считает, что обряд отличается от обычая тем, что он включает в себя не непосредственно целесообразные, а символические действия⁴. Последнее, конечно, правильно, хотя на практике не всегда можно определить, символическое ли перед нами действие или традиционное. Более концептуально к этому вопросу подходит С. А. Токарев, который «обряд» определяет как разновидность обычая, считая, что цель и смысл последнего состоят в выражении (в большей степени символическим) какой-то идеи, чувства, действия, либо как замену непосредственного воздействия на предмет воображаемым (символическим) воздействием⁵. Таким образом, всякий обряд — это тоже обычай, но такой, который обладает свойством выражать некую идею. Всякий обряд есть обычай, но не всякий обычай есть обряд. Поэтому, можно считать, что обряды бывают разной направленности.

В жизни каждого человека случаются критические, переломные моменты. В традиционной культуре наиболее выделяемыми являются: рождение ребенка, свадьба и похороны. Изменение статуса человека сопровождается проведением определенного цикла обрядов и обычаев. При этом они проводятся с учетом исторических, этнических, культурных,

³Суханов, И. В. Обычаи, традиции, обряды как социальные явления / И. В. Суханов. — Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1973. — С. 22.

⁴Угринович, Д. М. Обряды: За и против / Д. М. Угринович. — М.: Политиздат, 1975. — С. 17.

⁵Токарев, С. А. Обычаи и обряды как объект этнографического исследования / С. А. Токарев // Советская этнография. — 1980. — №3. — С. 26–36.

экономических, социальных и природно-климатических условий этноса. Попытаемся рассмотреть каждый жизненный цикл.

Детство, на наш взгляд, есть, прежде всего, феномен культурно-исторический, который можно понять лишь с учетом системы представлений и образов, где культура воспринимает и осмысливает жизненный путь индивида и возрастную стратификацию общества. Впрочем, рождение ребенка и другие обряды, проводившиеся после его рождения, не были сопряжены с масштабными шумными празднествами. Зато им сопутствовала целая серия характерных обрядов. Первая группа — обряды и обычаи, сопутствовавшие беременности и родам. Они, прежде всего, исходят из общих для традиционных культур представлений о сакральной «нечистоте» беременной женщины. Вторая группа обрядов связана с рождением ребенка, с обрядами принятия новорожденного в семью и родовую группу. Третья группа — обряды инициации начиная с обряда стрижки утробных волос, проводившегося через 2,5-3 года.

Исходя из принципа исторической реконструкции, предполагается изучение детства и детского сообщества по двум направлениям: во-первых, исследование эволюции семьи как социальной группы в истории культуры в связи с положением ребенка в семье, изменяющимися условиями его социализации и его социального статуса; во-вторых, развитие детской субкультуры, реальных детских групп, их функции в обществе и истории культуры. Известно, что ребенок осуществляет свою жизнедеятельность благодаря наличию двух взаимопересекающихся систем — мира взрослых и мира детей, каждый из которых обладает определенной значимостью для ребенка на том или ином возрастном этапе.

Таким образом, культура органически входит в него, формируя характерный для данной культуры тип личности. Исходя из вышеизложенного, вытекает необходимость изучения и тщательного анализа природных условий, экономики, а также того, как в форме определенных традиций и норм люди осознают объективные факты своего бытия, прежде всего, факт рождения и развития ребенка. Каждая эпоха и каждый народ имеет свою концепцию детства, которая проявляется в религиозных представлениях, искусстве, эпосе и общественном сознании в целом.

Вторая критическая точка жизни человека, как ее кульминация, время наибольшей полноты жизненных сил, — свадьба. Она, напротив, характеризуется чрезвычайно сложными и имеющими глубокий знаковый смысл ритуалами, обрядами и обычаями. Начнем с того, что далеко не всякое время года считалось благоприятным для проведения свадеб. Особую роль здесь играли месяц, год рождения молодоженов. Также акцент делался на выборе времени проведения свадьбы, что диктовалось периодами сезонных работ. Свадебный обряд нами рассмотрен как социокультурное явление, дается характеристика тувинскому свадебному обряду, исследованы культурно-исторические особенности свадебного обряда, показаны роль и значение свадебного обряда, свадебного торжества в социокультурной жизни

тувинского общества в сравнении со свадебным обрядом у тувинцев Монголии и Китая. Он устойчивее других элементов народного быта сохраняет исторически сложившиеся особенности этнической культуры, определяет морально-психологический облик народа. Знакомство с тувинским свадебным обрядом призвано способствовать лучшему пониманию ценности духовной культуры тувинцев.

В традиционном свадебном обряде концентрируется социальный опыт поколений, этническая мудрость народа. На молодых людей благотворное воздействие оказывает соприкосновение с глубинными пластами народной жизни, его обычаями и обрядами, трудовыми, нравственными и эстетическими нормами и традициями. Исследование тувинского свадебного обряда показало, что этическое и эстетическое содержания переплетаются, взаимопроникают, образуя органичное единство. Этическое начало в свадебном обряде тувинцев получает, как правило, эстетическую окраску.

Два основных признака традиционного свадебного обряда, тесно связанных между собой, — его диалогичность и переходный характер. В сценарии свадебного действия принимают участие два доселе чуждых начала: род жениха и род невесты, вступают в диалог, цель которого — породнение, избежание в будущем браке противопоставления этих начал.

Переход невесты в иное пространство и социальную группу, совершенный в результате свадебного обряда, закреплялся внешним выражением: заплетанием кос по-женски и ритуальным обходом молодой вокруг очага в доме мужа, что для членов семьи мужа и его родных означало превращение ее в «свою».

Можно выделить немало общих черт в свадебном и погребально-поминальном обрядах, определяемых в общем смысле их «переходным» характером. Так, элементы похоронного обряда включались в свадебный, например, в причитание невесты-сироты, что в ритуальном смысле подразумевало участие умерших родителей, которые не смогли сделать это при жизни.

Термином «погребально-поминальный обряд» принято обозначать совокупность религиозных обрядов, относящихся к умершим. Значительная роль погребального обряда в традиционных верованиях признавалась многими исследователями. Некоторые из них — Герберт Спенсер, Джон Толанд и Джозеф Пристли — считали погребальный культ не только самостоятельной, но и одной из древнейших форм религии, рассматривали религиозные верования и обряды как дальнейшее развитие верований, связанных с умершими⁶.

Кроме того, в ходе исследовательских работ в научный оборот введены 294 терминов и понятий, связанных с темой автора.

⁶ Спенсер, Герберт. Основания социологии Герберта Спенсера / пер. с англ. В 2 т. Т. 1. Данные социологии. — СПб.: И. И. Билибин, 1876. — 496 с.; Т. 2. Индукция социологии. — Домашние отношения / Г. Спенсер. — СПб.: И. И. Билибин, 1876. — С. 278; Толанд, Дж. Избранные сочинения / Дж. Толанд; пер. с англ. и лат. с предисл. А. Деборина. — М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. — С. 53; Пристли, Дж. Избранные сочинения / Д. Пристли. — М.: Соцэкгиз, 1934. — С. 55.

Источниковая база исследования. В целях более полного освещения темы диссертантом был привлечен значительный круг самых разных по характеру и содержанию источников. Основу диссертации представляют материалы полевых исследований автора, собранные в 1996–2023 гг.

Этнографические экспедиции проводились в течение 1996 — 2023 гг. на территории Монголии: в Кобдоском аймаке (г. Ховд, Буянт сомон, местность Ак-Эрик), в Баян-Ульгийском аймаке (г. Ульгий, Ценгэл сомон, местности Тоолайлыг, Кадыы, Беш-Богдо), в Хубсугульском аймаке (Цагаан-нуур сомон, Восточная и Западная тайга), в Селенгинском аймаке (Орхон, Зуун-Бурен сомоны), а также в г. Улан-Батор; в Китайской Народной Республике — Синьцзян-Уйгурском автономном районе (в уездах Кок-Дугай, Ала-Хаак, Шунгур, Чемежек, Чингил, Хом, Ханас, Ак-Хаба, Хандагайты, а также в городах Бурчин и Алтай).

Кроме того, для сравнительного анализа одновременно проводились полевые исследования в Республике Тыва: Тес-Хемский и Эрзинский районы – южная Тыва, граничащая с Завхан аймаком Монголии; Овюрский, Монгун-Тайгинский районы, на юго-западе граничащие с Республикой Алтай, на северо-западе с Монголией (Увс, Кобдоский, Баян-Ульгийский аймаки); Пий-Хемский район, на севере граничащий с Республикой Хакасией; Тоджинский и Тере-Хольский районы, граничащие с Иркутской областью, на востоке Тыва граничит с Хубсугульским аймаком Монголии. В 2020, 2021 гг. были проведены комплексные экспедиции в Тофаларии Иркутской области, где были выявлены сходства и различия в обрядах жизненного цикла тувинцев и тофаларов.

Также комплексные этнографические экспедиции были проведены в Таштыпском и Азкизском районах Республики Хакасии; в с. Верхнеусинское Красноярского края (где компактно проживают тувинцы), в с. Кош-Агач в Республике Алтай.

Методика сравнительного полевого исследования, заключающаяся в собирании необходимого этнографического материала не только в местах проживания тувинцев Монголии и Китая, но и на родине их предков, несомненно, имеет ряд преимуществ перед письменными памятниками, поскольку позволяет исследовать гораздо более многообразный спектр проявлений традиционно-бытовой и обрядовой культуры. В ходе полевой работы собирание материалов проводилось, в основном, методом опроса на местных диалектах тувинского, алтайского, казахского, уйгурского, киргизского и хакасского языков. Это позволило зафиксировать диалектные слова и выражения, изучение которых во взаимосвязи с обрядами жизненного цикла может стать объектом самостоятельного исследования. Этнографические особенности местных вариантов того или иного обычая уточнялись в процессе живого общения с народными знатоками старины и сравнивались с обычаями, бытующими в республиках Алтай и Хакасия. Информация была получена от более чем 1000 человек. В диссертационной

работе приводится список респондентов, у которых были получены наиболее полные сведения.

Стационарный метод проведения исследований применялся на протяжении года. Здесь был применен весь комплекс различных видов полевой деятельности: проводился опрос, велось личное наблюдение, происходило участие в обрядах. Возможность длительного пребывания в традиционной среде позволила увидеть всю последовательность этапов жизненного цикла: беременность, рождение ребенка, свадебные и погребально-поминальные обряды. Кроме того, большое значение для исследования темы имеют собранные материалы по обрядам, связанным с природными локусами. Так, прослежены все этапы ритуалов освящения культовых мест, например, освящение «оваа», источника.

Также собраны обширные материалы по традициям установления «юрты», валяния войлока, приготовления пищи и т.д., имеющие значение в аспекте исследования материальной составляющей обрядов жизненного цикла у тувинцев России, Монголии и Китая.

Использование такого метода, как включенное наблюдение было бы невозможно без благоприятного расположения респондентов к исследователю, однако некоторые материалы не вошли в данную работу, поскольку не было получено согласия на опубликование их сведений (особенно сложно пришлось работать в Китайской Народной Республике, там информанты просили, не называя имена, указать их как анонимные источники).

На всех этапах собирания полевого материала применялись различные методы фиксации: фотографирование, аудио - и видео записи, графическое изображение.

Фольклор является важным (иногда единственным) источником для исследования прошлого бесписьменных народов при условии соблюдения критического подхода к нему. В нашей работе приводятся образцы устного народного творчества, такие как благопожелания, широко использующиеся в практике, пословицы.

Обращение к тувинскому фольклору (сказкам, малым фольклорным жанрам и эпосу), как к одному из источников исследования, позволило более полно рассмотреть традиционные представления, знаковые элементы этнической культуры и обрядовые комплексы как семейного, так и календарного циклов. Диссертантом были использованы фольклорные материалы, уже опубликованные и собранные во время полевых исследований.

Для раскрытия основных проблем исследования обрядовой практики тувинцев России, Монголии и Китая потребовалось привлечение широкого круга опубликованных и неопубликованных документов из российских (советских) и монгольских архивов, статистических сборников, справочников, материалов периодической печати. В заметках, сборниках наблюдений, исторических, статистических описаниях авторы приводят

разнообразные этнографические сведения, касающиеся отдельных обычаев и обрядов. Нами проработаны документы из фондов Центрального государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Национального архива Республики Тыва (НА РТ), а также материалы из рукописных отделов и фондов Национального музея им. «Алдан-Маадыр», Центральной библиотеки имени В. И. Ленина, библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Тувинского института гуманитарных и социально-экономических прикладных исследований (ТИГПИ).

Наибольшую ценность представляют материалы следующих фондов: дневники референтов и отчеты по странам Востока; органов управления в области национально-исторического строительства; этнографические и демографические сведения по автономным республикам и областям.

Научная новизна исследования. Диссертация является первым историко-этнографическим исследованием, анализирующим обычаи и обряды жизненного цикла у тувинцев трех стран, России, Монголии и Китая в границах большого хронологического периода, охватывающего конец XIX – начало XXI вв. Научную новизну исследования определяет комплексный подход к изучению форм повседневной культуры – ритуалов и обрядов жизненного цикла, в частности, родильных, свадебных и похоронных.

Теоретическая новизна работы заключается в выявлении, на основе проведенных исследований, общего и специфического в обрядовой практике тувинцев России, Монголии и Китая через сопоставление этнокультурных связей тувинцев с окружающими их русскими, монголами, казаками, китайцами, уйгурами и представителями других этнических групп. Подобный подход позволяет делать выводы о природе трансформации обрядов жизненного цикла у той или иной группы тувинцев и степени их сохранности в зависимости от характера и специфики иноэтничного влияния и общей социально-политической ситуации. В диссертации предпринята попытка провести параллели в этноязыковой идентификации тувинцев России, Монголии и Китая, что может послужить основой для дальнейших исследований по этнической истории тувинцев. В научный оборот были введены новые данные, источники и терминологический аппарат.

В диссертации впервые:

- реконструирован процесс становления обрядов жизненного цикла применительно к тувинцам России, Монголии и Китая, определены их место в повседневной культуре и значение для формирования общего и специфического в культуре российских, монгольских и китайских тувинцев в конце XIX – начале XXI вв.;
- выявлены и проанализированы специфические черты и функциональные этноэкологические особенности, присущие обычаям жизненного цикла тувинцев России, Монголии и Китая;
- в результате изучения социокультурной среды тувинцев России, Монголии и Китая определены механизмы взаимодействия тувинской, русской,

монгольской, казахской, китайской культур через ритуально-обрядовую практику;

– выявлено принципиальное отличие культурно-символических кодов в похоронно-поминальных обрядах, которое обуславливает передачу этнических ценностей;

- анализ этнографической лексики тувинцев России, Монголии и Китая позволил выделить значительные этноязыковые схождения, что свидетельствует в пользу гипотезы о наличии общих элементов в этногенезе и этнических корнях;

– введен в научный оборот новый пласт источников, в том числе значительный массив полевых материалов автора по особенностям быта, общественно-семейных отношений и обрядовых комплексов тувинцев России, Монголии и Китая.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Семантическое содержание обрядов и ритуалов жизненного цикла, их культурный потенциал являются целостной системой. Обряды жизненного цикла у тувинцев России, Монголии и Китая выступают оптимальными хранителями традиционных ценностей в силу своей консервативности.

2. Взаимопроникновение тувинской, алтайской, хакасской, русской, монгольской, казахской, тофаларской и китайской культур в России, Монголии и Китае осуществлялось и через обряды жизненного цикла. Однако последние сохраняли социокультурные особенности, являлись эффективным механизмом передачи уникальной сути этносов, специфики их повседневной соционормативной культуры.

3. Этнокультурное взаимодействие в наибольшей степени отражается в похоронно-поминальных обрядах, формируя синтетическую повседневную культуру региона.

4. Обычаи и обряды жизненного цикла продолжают оставаться важным культурным наследием современного постиндустриального общества, гарантом преемственности традиционных ценностей, индикатором этнической специфики тувинского народа. В условиях глобализации обычаи и обряды жизненного цикла — это, вероятно, единственная и реальная возможность ретрансляции национального опыта.

5. Основные черты традиционных обрядов жизненного цикла тувинцев в значительной степени сохранились, но вместе с тем подверглись трансформации и модернизации, в результате в некоторых из них появились элементы монгольской, казахской, китайской и российской культур.

6. Этническая культура тувинцев в длительное время находилась в межкультурном окружении, претерпела некоторые изменения, однако благодаря устойчивости родовой организации, бытованию обрядов календарного и семейного циклов в советский и постсоветский период сохранила в целом основные черты.

7. Сохранение обрядов культуры в значительной степени отмечается у сельского населения, чьи места расселения совпадают с территориями кочевий

рода, консервации древних ритуалов способствует родовой характер семейных и календарных обрядовых циклов, невысокая степень процесса урбанизации тувинцев России, Монголии и Китая.

Научно-практическая значимость исследования. Материалы, положения и выводы диссертации представляются важными с точки зрения имеющегося в них научного и образовательного потенциала. Они могут способствовать углубленному пониманию проблем этнической идентификации в современном этнокультурном и мультикультурном пространстве, и, что немаловажно, способствовать решению проблем, возникающих в сфере межэтнического взаимодействия, взаимоотношений этнических меньшинств и властных структур. Основные положения и выводы исследования способствуют расширению наших знаний и представлений об этнической культуре тувинцев России, Монголии и Китая.

Основные положения работы имеют практическое применение, прикладное значение. Выводы данной диссертации могут быть применены в разработке этнокультурных и образовательных программ. Материалы диссертации могут использоваться при написании научных работ по этнологии и истории Центральной Азии, в учебных курсах школ и вузов особенно в местах компактного проживания тувинцев России, Монголии и Китая, при разработке элективных курсов по этнологии, этнографии народов Тувы, Сибири. Полученные выводы и рекомендации могут быть задействованы при корректировке, разработке концепций, рекомендаций, составлении аналитических справок для властных структур, занимающихся проблемами семьи и брака, межэтнических отношений как в Российской Федерации, так и за ее пределами. Кроме того, они могут быть использованы при подготовке лекций, учебных пособий, фундаментальных трудов по истории и этнографии тувинцев, а шире — народов Центральной Азии.

Соответствие паспорту специальности. В соответствии с формулой специальности 5.6.4 - Этнология, антропология и этнография, охватывающей проблемы истории и современного состояния человечества в форме его специфических групп – этносов, в диссертационном исследовании изучены этнографические аспекты в обрядовой практике тувинцев России, Монголии и Китая.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в публикациях и освещались на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях, а также в процессе преподавательской работы - на лекциях и практических занятиях.

По проблемам исследования диссертант выступала с докладами на региональных, российских и международных конференциях: Международная научная конференция, посвященная 80-летию тувинской письменности (1–4 июля 2010 г.); Международная научно-практическая конференция, посвященная 300-летию восстания Чингунжапа (Морен, Монголия, 2011 г.); XVII–XX зууны эхен уеийн монголын туухийн судалгаа (Улан-Баатар, 2011 г.); IV Международная научная конференция «Приграничное

сотрудничество ученых. Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (Чита, 2013 г.); «Oxford Review of Education and Science» (2015 г.); Australian and New Zealand Journal of Fundamental and Applied Studies (Sydney University Press, 2015 г.); Proceedings of the XVI International Academic Congress «History, Problems and Prospects of Development of Modern Civilization» (Tokyo University Press, 2015 г.); «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая» (12–16 октября 2015 г., Хух-Хото, КНР); XII Международная научная конференция «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов» (Ховд, Монголия, 2015 г.); Международная конференция «Ойратские исследования: Языки, этнология и культура» (Улан-Батор, Монголия, 2015 г.); III Международная научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов «Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая» (Кызыл, 2015 г.); Proceedings of the 5th International Academic Congress «Science, Education and Culture in Eurasia and Africa» (23–25 March, Paris University Press, 2015); Тов Ази болон монгол дахь угсаатны уйл явц, чигхандлага (Улаанбаатар хот, 2018); IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия (Кызыл, 2018 г.); международный семинар «Диалог цивилизаций и межкультурное сотрудничество»: в рамках мероприятий Международного года языков коренных народов (Москва, 2019 г.).

Результаты исследований были опубликованы в 113 авторских работах общим объемом 40 п. л.: в монографии «Тувинцы Кобдоского аймака Монголии: этничность и культура» (Кызыл, 2007); коллективной монографии «Исследование межкультурных взаимодействий тувинцев Российской Федерации, Монголии и Китая» (Кызыл, 2015); научном отчете «Этногеографическая экспедиция в Монголию по маршруту известного исследователя, члена РГО П. К. Козлова (итоги полевых исследований 2013 года)» (Кызыл, 2015); коллективной монографии «Судьба кочевых обществ в индустриальном и постиндустриальном мире» (М., 2018); научных журналах по списку ВАК в 36 статьях: «Вестник Кемеровского государственного университета» (2013. Т. 1. № 3(55). С. 23–27; 2013. Т. 1. № 3(55). С. 18–23); «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук» (2013. № 1. С. 34–38; 2014. № 1. С. 31–35; 2015. № 2. С. 34–38; 2015. № 3. С. 84–92; 2016. № 1. С. 107–113; 2016. № 4(32). С. 40–49; 2017. № 1. С. 58–66); «Новые исследования Тувы» (2017. № 1. С. 5; 2019. № 4. С. 73–81); «Oriental Studies» (2019. № 44(4). С. 669–681; № 45(5). С. 926–937; 2020. Т. 13. № 1. С. 64–74; Т. 13. № 5. С. 359–370; 2021. Т. 14. № 5. С. 1006–1015; 2023. № 1. С. 163–17. № 16(3). С. 575–583; «Вестник Московского университета» (2022. № 1. С. 77–85).

В 27 научных статьях в рецензируемых журналах Skopus: Astra salvensis Transilvanian Association for the Literature and Culture of Romanian People (ASTRA). 2018. P. 369–374; Astra salvensis Transilvanian Association for

the Literature and Culture of Romanian People (ASTRA). 2018. P. 501–510; Новые исследования Тувы. 2017. № 1. С. 5; International Journal of Management and Business Research. 2018. № 8(3). P. 12-23; International Journal of Biology, Pharmacy and Allied Sciences. 2016. Vol. 5. № 12. P. 3397–3403; 3404–3409; 3410-3415.

Диссертация обсуждалась на расширенном заседании кафедры антропологии и этнографии Казанского (Приволжского) федерального университета 20 июня 2023 г.

Структура работы определяется ее целью и задачами. Диссертация включает введение, три главы, заключение, список литературы, глоссарий и список информантов. Во введении обосновывается выбор темы, обозначаются предмет и объект исследования, формулируются его цель и задачи. Дается анализ степени изученности темы исследования на современном этапе. Кроме того, показывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов, приводятся сведения относительно апробации работы. В заключительной части введения описываются структура и содержание диссертационной работы.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования» состоит из двух параграфов, где дан историографический анализ исследования тувинцев России, Монголии и Китая, народов как приграничных территорий, так и других зарубежных стран. Также представляется теоретическая и методологическая основа исследования, его эмпирическая база. Кроме того, дана характеристика возрастной стратификации тувинского этноса.

Вторая глава «Обряды, связанные с рождением ребенка, у тувинцев России, Монголии и Китая» состоит из 6 разделов, в соответствии с основными этапами в комплексном цикле проведения обрядовой практики «материнство и детство».

Третья глава «Современный свадебный обряд» раскрывает значение этой важной составляющей в системе обрядов жизненного цикла и как наиболее основного компонента традиционно-бытовой культуры этноса.

Четвертой глава «Обряды, связанные со смертью человека, у тувинцев России, Монголии и Китая» посвящена обряду жизненного цикла - смерти, приобщения умершего к миру мертвых.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается выбор темы, обозначаются предмет и объект исследования, формулируются его цель и задачи. Кроме того, во введении представляется теоретическая и методологическая основа исследования, его эмпирическая база, показывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов, приводятся сведения относительно апробации работы. В заключительной

части введения описываются структура и содержание диссертационной работы.

Глава 1. «Теоретико-методологические основы исследования» состоит из двух параграфов. В Параграфе 1. дана детальная характеристика историографическому анализу данной темы. Первые исследования тувинцев начинается со второй половины XIX в. и наиболее научная активность проявляется со второй половина XX в. и продолжается по сегодняшний день. В ареале исследований ученых акцент был поставлен на историю происхождения тувинского этноса, на изучению тувинского языка. По обрядам жизненного цикла исследования проводились фрагментарно, комплексные работы отсутствуют.

Параграфе 2. «Возрастная стратификация», проведен сопоставительный анализ по возрастной стратификации тувинцев с народами Центральной Азии. Отсчет жизни ребенка начинают не с момента рождения, а с начала внутриутробного развития, поэтому тувинцы к году рождения прибавляют еще один. Дана следующая характеристика. Возрастной период с рождения до 3-х лет называли *«кержир – кажык»* (*«кержир»* – хрящ, *«кажык»* – бабка) - младенчество. От 3-х до 15 лет - *«көк кажык»* - синий кажык. Ребенок вырос, физически сформировался. Девочки могли уже выходить замуж. От 16 до 40 лет – *«ак кажык»* – белый кажык. От 40 до 61 лет - *«сарыг кажык»* – желтый кажык. От 61 и старше – *«хемирти кажык»* – огрызок кажык (гниение кости) – период угасания. Как видим, различные возрастные периоды определялись цветовой гаммой костей. По представлению родителей, детям по прошествии их жизненного пути предстояло преодолеть три трудности - так называемые *«халыын»*.

Первая трудность – *«назын халыыны»* - связана с молодым возрастом, с 15 до 20 лет, с «горячей» порой жизни. Вторая трудность – *«ада халыыны»* - связана с именем отца, с его достатком и силой, влиянием на окружающих. Молодые люди 20-30 лет, надеясь на авторитет и помощь родителей, позволяли себе совершать ошибки и проступки, допускать своевольности. Третья трудность – *«аът халыыны»* – с 30 до 40 лет. К сорока годам все трудности оставались позади, преодолевались кем-то достойно, а кем-то нет. В народе считалось: человек, достойно преодолевший все три трудности жизни, заслуживает большого уважения.

Несмотря на различия в периодизации «века человеческого», дробление некоторых возрастных отрезков на более мелкие периоды, в целом выделяются четыре основных периода: детство, юношество, зрелость, старость. Переход из одной возрастной группы в другую сопровождается определенными обрядами. Каждая возрастная группа имела свои отличительные особенности, выражавшиеся в одежде, причёске, украшениях, общественной жизни, обязанностях и нормах поведения.

Глава 2. «Обряды, связанные с рождением ребенка, у тувинцев России, Монголии и Китая» состоит из 6 параграфов, в соответствии с

основными этапами в целом комплексном цикле проведения обрядовой практики «материнство и детство».

Параграф 1. «Обычаи и обряды, связанные с беременностью и родовым периодом». Их можно разделить на три части. В первой дана детальная характеристика терминологии понятий, связанных с беременностью женщины: «беременность», «беременная женщина», «рождение», «ребенок» у тувинцев России, Монголии и Китая. Во второй части описываются обряды для испрашивания души ребенка «кут» у исследуемых групп тувинцев. И в третьей части дана классификация запретов и предписаний, связанных с беременностью, у тувинцев России, Монголии и Китая. В обрядах, связанных с беременностью и родами, следует выделить обряды большого общественного и личного значения; например, обряды предохранения от порчи или облегчения родов (часто совершаемые отцом), а также кувада и псевдокувада — это обряды, которые следует включить во вторичную группу обрядов перехода, так как именно они обеспечивают будущим отцу и матери вступление в особую ячейку, самую важную из всех и образующую постоянное ядро общества в целом.

Тувинцы России, Китая и Монголии стараются оградить будущих матерей от всевозможных нервных срывов, отрицательных эмоций и опасностей, ожидаемых преимущественно от мира сверхъестественного/иного, с помощью магических действий. Защищали беременную женщину различными запретами и предписаниями, а также совершая особые обряды.

Параграф 2. «Рождение ребенка и колыбель». Обряды, связанные с рождением ребенка у тувинцев России, Монголии и Китая, можно разделить на две большие группы: 1). обряды, направленные на облегчение самих родов и 2). обряды, оберегающие здоровье и будущее новорожденного. На современном этапе значительно трансформировались способы ухода за младенцами, изменился образ питания матери и ребенка, но в то же время и сейчас в каких-то случаях, особенно в начальный период после родов, отмечается четкое следование родильным обрядам жизненного цикла. В последнее время в связи с процессом этнокультурного возрождения отмечается повышение интереса к отдельным знаковым элементам родильного обряда, например, изъятие по договоренности отпавшей пуповины новорожденного при выписке из родильного дома, проведение первого праздника «доя», обряд укладывания в «первый дом» — колыбель, имянаречения — остаются неизменными

В параграфе 3. «Послеродовой период» рассматриваются послеродовые обряды и имянаречение. Имя в жизни человека всегда играло большую роль. Получая имя, ребенок вводится в мир людей, приобщается к социальным связям общества. Этому и способствовал обычай имянаречения. В семейной традиции тувинцев имя ребенку давалось сразу после рождения или спустя некоторое время. Имя давалось один раз, и считалось, что именно оно определяет жизненный путь человека и судьбу, оберегает его от злонамеренных сил. Большой заботой тувинской семьи было сохранение

здоровья ребенка. Сделать это в суровых климатических условиях, в обстановке кочевого быта, когда семья в течение круглого года жила в войлочной юрте, было, конечно, трудно. В таких условиях смертность детей в раннем возрасте была высокой, так как были широко распространены различные болезни. Среди населения широко бытовали разные поверья и воззрения о причинах заболевания и способах охранения здоровья ребенка от злых духов, сглаза.

Итак, обряд имянаречения ребенка является обрядом включения. Благодаря имянаречению ребенок теперь в социуме: 1) индивидуализирован и 2) включен в состав своей родоплеменной группы. Пока молочные зубы не сменяются на постоянные, ребенок не воспринимает различия полов. Как только он начинает понимать это различие, он систематически получает соответствующие наставления. С этого момента прекращаются различные магические действия защитного порядка и мальчика и девочку начинают готовить к жизни. Одним словом, появление коренных зубов влечет за собой правила, у одних народов — строго соблюдаемые, у других — менее обязательные.

Параграф 4. «Обряд стрижки утробных волос. Первые инициации». Среди обрядовых действий, направленных на определение социального статуса ребенка внутри сообщества — «обряд стрижки утробных волос». Переход из периода младенчества в детство — обычно соотносится с трехлетним возрастом (иногда позже или раньше). При этом завершение младенчества отмечалось стрижкой утробных волос, переход в следующую ступень возраста. Обряд стрижки утробных волос маркировал переход не только в следующую возрастную группу, но и отделение ребенка от мира предков, божеств, а также установление более тесных связей с социальным коллективом — миром родственников.

В параграфе 5. «Социализация ребенка (приобщение ребенка к труду)» дана характеристика периода младенчества и детализирована социализация ребенка. На протяжении всего периода младенчества проявляется благожелательное, снисходительное отношение к ребенку. В отношении к детям и их воспитанию в первые годы жизни никаких различий между мальчиками и девочками не делалось. Трудовые традиции — это исторически сложившиеся, передающиеся из поколения в поколение формы и виды трудовой деятельности, свойственные тувинцам России, Монголии и Китая (включая взгляды народа на труд, опыт трудового воспитания подрастающего поколения). Дети с раннего возраста наблюдали за тем, что и как делают родители, приучались к труду, овладевали навыками и привыкали к правилам общественной жизни. Важнейшее место в народном этическом кодексе занимает такое понятие, как почитание старших. Уважение к старшим внедряется в сознание подрастающего поколения как высший принцип, следуя которому можно достичь успехов в жизни и завоевать авторитет у народа.

Глава 3. «Свадебный обряд» раскрывает значение этой важной составляющей в системе обрядов жизненного цикла, и как наиболее основного компонента традиционно-бытовой культуры этноса.

Параграф 1. «Формы семьи и брака». В свадебной обрядности сохранились многочисленные пережитки более ранних форм семейного и общественного быта, отголоски древних обрядов, обычаев и ритуалов. Они дают реальную возможность составить более полное представление о народе, о его культурно-бытовом облике, социально-правовых отношениях и морально-этических устоях. С созданием семьи происходит изменение социальной категории, что важно, так как влечет за собой, по крайней мере для одного из супругов, перемену семьи, рода, места жительства; молодые супруги поселяются в отдельном новом доме, юрте. Обряды отселения имеют отношение главным образом к реальному переходу — перемене места жительства. Брак как социальный союз затрагивает интересы многих родоплеменных групп. Если в предыдущей главе акцент делается на обряды охранительной магии (беременность, роды), то свадебные же нацелены на обеспечение будущего потомства (обычно именуемые обрядами плодородия). Они могут быть симпатическими или контагиозными, анимистическими или динамическими, прямыми или косвенными, позитивными или негативными (табу). Тут действуют обряды профилактические, очистительные. Надо отметить, что свадебная обрядность представляет собой сложный динамичный процесс, являющийся результатом взаимодействия большого количества стадийно различных, разнохарактерных компонентов, каждый из которых имеет свои закономерности: генетические, функциональные.

Насколько позволяют судить имеющиеся источники, во вт.пол. XIX — нач. XX вв. господствующей и по сути единственной формой семьи у тувинцев России, Монголии и Китая была малая семья. Она состояла обычно из двух поколений кровных родственников по восходящей и нисходящей линиям, то есть из родителей и их неженатых и незамужних детей. Кроме того, в состав семьи мог входить кто-нибудь из родственников, не имеющих своей семьи, например, брат или сестра мужа и жены, а также их престарелые отец и/или мать. Брак в обществе тувинцев России, Монголии и Китая считался обязательным для каждого человека: старые девы и старые холостяки не пользовались уважением. Заключался брак посредством сватовства.

В параграфе 2. «Досвадебные обряды» дана периодизация свадебной обрядности, а также описаны досвадебные обряды тувинцев России, Монголии и Китая: выбор невесты, где большую роль играли годы рождения жениха и невесты.

Первым шагом к установлению родственных отношений было сватовство. Нередко сватали малолетних. Родителям девочки (она могла быть еще грудным ребенком) посылали подарки через сватов. Иногда роль свата играл отец. Подарки состояли из вареного бараньего крестца или

грудинки (женские части), фляги с «*аракой*» — «тувинской молочной водкой», длинной узкой полоски выделанной шкуры овцы, ткани, хадака.

Обряд «*шай бузары*» — «чай расколоть». Когда сосватанной девочке было 5-6 лет, родители жениха с родственниками обычно приезжали к родителям невесты, обязательно имея при себе половину кирпичного чая и мясо овцы, а также как можно больше араки, чтобы ее хватало на угощение родителей невесты и всех собравшихся. Приехав, прежде всего, раздаривали куски чая всем присутствующим. Этот обряд ныне называется «*хол актаар*» («белить руки»). Родители жениха обязательно должны были в этот приезд пообещать родителям невесты подарить им крупный рогатый скот «*аас белээ*» — «устный подарок»). Дарили обещанное после года. На следующий день, перед отъездом сватов, родители невесты должны были устроить ответное угощение. Обряд *малдаар* — «ездить за скотом». Через некоторое время родители невесты посылали свата, им мог близкий родственник семьи жениха, либо сам отец, с аракой и мясом к родителям жениха. Погостив у них, сват возвращался домой и вез с собой в подарок родителям невесты скот (матери — корову, так как она лишалась дочери, отцу лошадь). Обряд «*дүгдээр*» — «готовиться к свадьбе». По исполнении девочке 10 лет родители жениха вместе со своими родственниками отправлялись к родителям невесты. Они готовили обильное угощение, в которое входили мясо жирной кобылы (в крайнем случае, резали овцу или козу) и много араки. Родители жениха и приглашенные ими лица прибывали верхом в аал, где начиналось пиршество. В этот день мог проводиться «обмен лошадьми», «*аът чаяар*». По этому обычаю родители невесты могли взять у одного или нескольких гостей их лошадей и в обмен давали своих. Жениться — это значит перейти из общества детского или юношеского в общество взрослых, или из одного рода в другой, или из одной семьи в другую, или часто из одного территориального ареала в другой. Отделение человека от определенных групп ослабляет их, но одновременно усиливает другие; урон является численным (стало быть, динамическим), экономическим и моральным одновременно. Отсюда практика, согласно которой сторона, ставшая сильнее, компенсирует в определенной мере ослабление другой стороны, с которой отныне она связана узами родства и взаимными обязательствами (в данный момент и в будущем).

Параграф 3. «Свадебный обряд» посвящен общеродовому празднику, на который приходят все родственники, соседи, подруги, друзья, люди из других родов. Во время свадебного празднества две группы действующих лиц перемещаются, обмениваются местами, что влечет нарушение равновесия. Это явление, мало ощутимое в больших городах, более заметно в удаленных уголках сельской местности. Там свадьбы являются поводом для прекращения работы, растрачивания сбережений, эмоционального всплеска, ломающего привычные будни. Подобное нарушение равновесия наиболее ярко выражено у тюрко-монгольских народов Центральной Азии (тувинцев России, Монголии и Китая), которые живут небольшими группами и тесно

связаны между собой. Свадьбы устраиваются чаще всего осенью, когда закончены полевые работы у кочевников. В самой свадьбе мы видим акт перехода, обряд включения чужака в новое сообщество.

Свадьба у тувинцев России состоит из трех частей:

1. пиршество в доме невесты;
2. совместное основное пиршество, устроенное родственниками жениха;
3. ответное пиршество — чаепитие, от имени родственников невесты.

Собственно свадьбу у тувинцев Монголии можно разделить на три этапа:

1. пиршество у стороны невесты;
2. совместное основное пиршество в доме жениха;
3. ответное пиршество для родственников жениха.

У тувинцев Китая:

1. «аас белек айтыыр» (устное испрашивание подарка);
2. «шай былчыыр» (разламывание плитки чая);
3. «улуг дой» (большое торжество).

В параграфе 4. «Послесвадебные обряды». Обычай избегания у тувинцев России, Монголии и Китая входит как составная часть и комплекс свадебной (включая досвадебную и послесвадебную) обрядности и включает избегание женихом родственников невесты, невесткой - свекра и старших родственников мужа в первое время после свадьбы, избегание зятем тещи, длившееся иногда всю жизнь. Среди них наиболее характерным является избегание невесткой всех старших родственников мужа. Устойчивость этого обычая в условиях патриархального быта мотивировалась прежде всего тем, что почитание старшего в семье - одна из ее главных социальных функций и условие сохранения социальной ячейки общества.

В тюрко-монгольском мире «избегание невестки» главным образом регламентировалось брачными экзогамными нормами. В условиях кочевой жизни данный обычай был тесно связан с положением женщины после замужества и требовал соблюдения ею трех основных правил. Во-первых, невестка должна была подчиняться всем, кто старше ее в семье мужа, особенно избегать тех лип, перед кем она совершала обряд «поклона» (*моргосон хадмаас бэрлэх*). Во-вторых, невестка должна была носить одежду соответствующего покроя - одежду замужних женщин. В-третьих, она должна была придерживаться определенного этикета в разговорной речи.

В параграфе 5. «Свадебный наряд и прически у тувинцев». В ходе полевых исследований было выявлено, что знаковой маркировкой возраста у тувинцев было изменение причесок на разных этапах жизни, что имело при этом некоторые частные варианты, обусловленные этническими, локальными и другими факторами.

Всего же было семь видов причесок в обрядах жизненного цикла у тувинцев России, Монголии и Китая.

Также из послесвадебных обрядов можно обратить внимание на женские накосные украшения, которые условно разделяются на три группы: девичьи, невесты и замужней женщины.

Параграф 6. «Охранительная магия семьи и семейного благополучия». В данном подразделе рассматривается один из аспектов системы культуры тувинского этноса, а именно – охранительная магия, связанная с семейным благополучием, что достаточно ярко проявляется в традиционной культуре тюрко-монгольских народов Центральной Азии. Наиболее известным ритуалом, который пересекается в обычаях и обрядах у тувинцев, является оживление священной стрелы, охранительного оберега, который защищает ребенка с самого рождения. Стрела ассоциировалась с «судьбой», «жизненным путем» человека. Статус *ыдык* - «священный» присваивался не стреле, а судьбе конкретного человека. Траектория полета стрелы напоминает параболу, с которой и ассоциировался «жизненный путь» или «судьба» человека. В охранительной магии использовали обереги *ээрэн* или амулеты, имеющие непосредственное отношение к культу Неба: клык марала, коготь медведя, перо орла. Иные предметы могли служить результатом индивидуального «творчества» шаманов или «особых пожеланий» родителей. Важной частью не только семейно-охранительной магии, но и любого ритуального действия является окуривание можжевельником «*артыш*»- горным растением, произрастающим в гористых местностях. К охранительной магии семьи и благополучия относятся также *тёси* или *ээрени*, то есть фетиши, возникшие еще в первобытные времена; в дальнейшем были взяты на вооружение шаманами, ламами и служителями бурханизма. Фамильные и родовые *тёси* имелись в каждой юрте, где для них устанавливались определенные места. Главная функция *ээрэн* - охрана человека от злых духов, вызывавших болезни, и борьба с ними.

Глава 4. «Обряды, связанные со смертью человека, у тувинцев России, Монголии и Китая» посвящено обряду жизненного цикла - смерти, обрядам, совершаемым ради приобщения умершего к миру мертвых. Им придается большое значение. Погребально-поминальный обряд, по мнению автора, более сложное явление - промежуточное состояние для тех, кто остается в живых, в него они погружаются благодаря обрядам отделения, из которого они выходят благодаря обрядам реинтеграции в общество в целом (обряды снятия траура). В некоторых случаях этот период для живых повторяет смысл промежуточного периода для мертвых, прекращение первого совпадает иногда с прекращением второго, т.е. с включением умершего в мир мертвых. В погребально-поминальном обрядовом комплексе у тувинцев России, Монголии и Китая можно выделить три части:

- 1) обычаи и обряды, связанные с действиями от момента смерти и до погребения умершего, В период нахождения умершего дома, включая вынос к месту погребения;

- 2) все обычаи и обряды, выполняемые по пути к месту погребения, при самих похоронах и во время возвращения участников похорон домой.

3) обычаи и обряды, соблюдаемые после похорон до того времени, пока умерший «переселялся» в загробный мир или пока не заканчивались поминки; обычаи и обряды, связанные с проведением поминальных семи и сорока девяти дней.

Параграф 1. «Предпохоронные обряды». Погребальный обряд представляет собой сложный многоактный комплекс, основанный на религиозных воззрениях, действиях обрядовой практики. Он содержит нормы поведения родственников умершего, налагающие на них ряд обязанностей и ограничений. Это, например, некоторые запреты (выносить из дома / юрты), связанные с одеждой, предметами покойного, произносить имя покойного вслух, присутствие некоторых родственников на похоронах.

Для тувинцев России, Монголии и Китая физическая смерть представлялась как уход души из тела в иной мир. Жизнь человека связана с наличием в теле «души» - «*тын*» (букв.«дыхание»). Тувинцы были уверены в перерождении ее после смерти человека.

Погребальный обряд тувинцев состоял из нескольких этапов. Смысл его заключался в том, чтобы провести границу между миром живых и миром мертвых. В эти траурные дни принято было использовать тщательно разработанную систему иносказаний. Тувинцы, как и многие народы Центральной Азии, старались прямо не говорить о смерти, предпочитая метафоры. Тувинцы России чаще всего употребляли следующие выражения: «*дуу оранче чоруй барган*» («отправился на тот свет»), «*дус казып чоруй барган*» (букв.перевод «отправился копать соль»), «*угааны дуу оранче чоруй бараган*» («разум ушел на тот свет»), «*аьдынын бажы хоя бергеш дуу оранче көрүнү берген*» («его лошадь испугалась и повернула на тот свет»), «Богу душу отдал». Если человек, особенно преклонного возраста, умирал после тяжелой и продолжительной болезни, о нем говорили: «*дыштанып чоруй барган*» («ушел в блаженство»).

Тувинцы Хубсугульского аймака Монголии о смерти человека сообщают близким и родственникам следующими эвфемизмами: «*чок болган кижиги*» - («человек, которого не стало»), «*бурганнай берген*» - («ушел к божествам-бурганам»), «*өлген*» - («умер»), «*ужа берген*» - («улетел»), «*эрте берген*» - («перешел»), «*чөй барган*» - («ушел»), «*чорта берген*» - («медленно уехал на коне»). Следует отметить, что часто применяемый у других тувинцев Монголии и Тувы термин «*кызыл дустай берген*» («ушел за красной солью») у туха-кижи, цаатанов в Хубсугульском аймаке Монголии не используется.

Умершего человека тувинцы Цэнгэл сомона Баян-Ульгийского аймака Монголии называют «*тыныш доозулду*» («дыхание остановилось»), «*аарыг алгаш барган*» («болезнь забрала»), «*бурган болуп калган*» («стал богом»), «*бурган оранында барды*» («ушел в мир богов»), «*дустай берген*» («ушел за солью»), «*караан шимген*» («глаза закрыл»), «*удуп калган*» («уснул»).

Тувинцы Китая использовали иносказательные термины по отношению к умершему «*тын чидирген кижиги*» («человек, потерявший душу»).

Обращение к сравнительному анализу материалов раскрывает чрезвычайную важность выбора места для погребения умершего, что вероятно, было характерно для всех групп тувинцев России, Монголии и Китая. Это южный склон гор, не обдуваемые ветрами, чтобы место было сухое, теплое, обогреваемое солнцем.

В современных реалиях тувинцы России, Монголии и Китая придерживаются традиционных ритуалов подготовки покойного к захоронению, но вместе с тем появились и новшества, например, в доме покойного занавешивают все блестящее, окна, зеркала и телевизор, а к месту захоронения отправляются в обеденное время, но не позднее 15 часов (время начала заката).

В параграфе 2. «Похороны» раскрывается тема самих похорон. Сами похороны как обряд жизненного цикла у тувинцев России, Монголии и Китая имеют свои отличительные особенности. Погребальная обрядность тувинцев в наибольшей степени сохраняет традиционные черты. Это и обряд «выкупа» земли под место захоронения, и обычай делиться табаком с родственникам умершего, и поминальная трапеза. Как известно, пища относится к числу важнейших элементов культуры этноса, играя большую роль в обеспечении его жизнедеятельности. Составные части традиционной системы питания, обусловленные природно-географической средой, хозяйственной деятельностью, мировоззрением и мировосприятием, национальными традициями того или иного этноса, определяют в известной мере образ жизни и менталитет любого народа.

В параграфе 3. «Поминальные обряды» раскрывается роль послепохоронных обрядов в этнической культуре тувинцев России, Монголии и Китая, данная сфера больше пронизана религиозными мотивами: существование представлений о душе, разновидностях душ, идеи о перевоплощении души, о перерождениях умерших и т.д. Помимо этого в обрядах поминального характера проявляются реликты культа предков, родовой общности, семейно-родовых связей, взаимопомощи.

Тувинцы поминальные трапезы совершают непосредственно после похорон и во время последующих поминок. Трапеза устраивается ради восстановления связи между членами сообщества живых и покойным, так как она оказалась разорванной после утраты одного из звеньев цепи.

Рассмотрим обряд заключительной части похорон «поминки». У тувинцев России не обязательно посещение могилы умершего на 49-й день, а недалеко от села, местности собираются близкие родственники и поминают умершего. Тувинцы на 7 (семь) и 49 (сорок девять) дней после похорон могут приглашать и шамана, и ламу, что говорит о религиозном синкретизме.

У тувинцев Баян-Ульгийского аймака Монголии на поминальные обряды 7 (семь) и 49 (сорок девять) шаманов не приглашали, предпочтение отдавали ламам. Родственники по традиции на 49-й день посещают могилу покойного, угощают рисом, открывают водку, поправляют могилу, оплакивая, возносят дань уважения покойнику. Скорее всего, это связано с

распространением и влиянием буддизма в северо-западных аймаках Монголии. Вернувшись с похорон, все участники проходят обряд очищения. Для этого готовят два *саңа* – два плоских камня, поверх которых кладут зажженный можжевельник. Проходя между этими камнями, участники похорон очищаются дымом можжевельника, после этого следует дважды помыть руки водой, разбавленной молоком, в которую крошен можжевельник, и обсушить руки белям тканевым полотенцем или бумажной салфеткой.

Тувинцы Хубсугульского аймака Монголии обряд 7 (семь) дней не проводили, только 49 (сорок девять дней), так называемые «узун-хонуу» («длинные поминальные дни» - авторский перевод Е.А.). Для определения времени, места похорон, а также проведения обряда «узун-хонуу» раньше приглашали шаманов, лам.

В качестве обрядов включения в первую очередь следует перечислить поминальные трапезы, совершаемые непосредственно после похорон, и трапезы последующих поминок. Трапеза устраивается ради восстановления связи между членами сообщества, живых и покойных. Эта связь оказалась разорванной после утраты одного из звеньев цепи. Часто трапеза такого порядка совершается во время снятия траура. Когда похороны совершаются в два этапа (предварительный и окончательный), то в конце первого этапа устраивают трапезу причащения, на которой, как предполагается, присутствует умерший. Представления о душе, счет поминок и многие другие обряды не отличаются между собой у тюркско-монгольских народов Саяно-Алтайского нагорья и Центральной Азии. Значительное количество ритуалов к началу XX в. подверглось серьезным изменениям. Наиболее консервативными оказались тувинцы Монголии. В целом, погребально-поминальный комплекс тувинцев сложился на базе шаманистических и буддийских воззрений.

Еще одним из трансформационных элементов в похоронной обрядовой практике тувинцев России и Монголии, и маркером социального статуса при жизни умершего, является памятник, поставленный в честь него, как дань уважение к его памяти.

У российских тувинцев в сельских местностях на кладбищах большинство оград сделаны в основном из штакетника, и так же арматуры.

У тувинцев Китая, живущих в природно-охраняемой зоне - заповеднике Ханас кладбище ныне становится популярным местом для посещения туристов, что вызывает беспокойство у местного населения. Хоронят покойника в белом саване, умершего заворачивают и у изголовья материал привязывают. Вместо надгробия ставят деревянную колоду, поверх которой кладут три больших или средних камня. Памятники не ставят. Обряд разведения священного костра (*саң салыры*) устраивали постоянно. В настоящее время на похороны приглашаются шаманы и ламы, если их не оказывается рядом, то погребением руководят старейшины. Могилы расположены друг от друга в отдалении, чаще по родовому признаку

(Например, *кара-соян* или *ак-соян*, имеют свои места для захоронения своих сородичей).

Заключение подводит итоги исследования обрядов жизненного цикла у тувинцев России, Монголии и Китая, которые актуальны не только в контексте глобализации, но и в адаптации малочисленных народов к изменяющимся условиям.

Обряды жизненного цикла — это совокупность обрядов, отмечающих основные (в конечном счете — все) этапы жизни каждого члена общества. Временной мерой этих обрядов является человеческая жизнь от рождения до смерти, взросление, а затем старение конкретного индивида (хотя этапы и включаются в широкий контекст и не являются независимыми). В этом проявляется и отличие от других обрядов, и их соотнесенность; главным циклом, с которым соотнесена жизнь человека, является годовой цикл. «Жизненный и годовой циклы метафорически приравнены друг к другу (весна - осень, юность - старость), а также и дневному циклу (утро - вечер), взаимопроникают — так, в родильных и свадебных обрядах много элементов календарной обрядности, календарные обряды часто допускают участие лишь лиц определенного возраста (детей, молодежи и т. п.)».

Жизненный цикл человека состоит из двух «крайних» ритуалов (обряды, связанные с рождением и похоронные обряды) и одного или нескольких срединных. Таким срединным ритуалом, как правило, является свадьба. Апогеем жизненного цикла индивида, где один цикл накладывается на другой, является рождение ребенка. Существует целая серия обрядов, в рамках которых главными действующими лицами являются и родители, и ребенок. Это обряды, связанные с самим фактом рождения ребенка, имянаречением, первой стрижкой волос ребенка и т. д. По своим типологическим характеристикам эти обряды принадлежат к переходным обрядам.

Обряды жизненного цикла, представляя собой обряды перехода, предстают в их законченном виде и ярче проявляются во время перехода из одной социальной категории в другую или из одной ситуации в другую. Они включают церемонии отделения от общего, или мирского, и овладения или признания прав владения. Эти церемонии, в частности, содержат обряды профилактические, искупительные и т.д., но их реальная основа — обряды перехода — особенно явственна в обрядах первого вхождения.

Первая беременность и первые роды — ритуально самые важные. Рождение ребенка у тувинцев было событием чрезвычайно важным, по своему значению с ним не могло сравниться никакое другое. Почти все исследователи отмечают особую любовь тувинцев к детям, подчеркивая, что ребенок, лишившийся родителей, никогда не оставался у них без внимания и заботы со стороны близких родственников, а иногда и посторонних людей. Это распространялось и на детей других национальностей, которых тувинцы охотно брали в свои семьи и воспитывали как родных детей. Незначительные разногласия встречаются относительно того, пол какого ребенка был более

желанным. Наличие детей в семье воспринималось, как божья благодать, в то время как их отсутствие становилось серьезным испытанием для семьи. Однако проблема бездетности часто решалась путем усыновления. Бездетность воспринималась тувинцами как угроза продолжению рода. И чтобы избежать ее, они прибегали к различным магическим обрядам. Обращались либо к ламе с просьбой отслужить буддийскую пуджу, либо к шаману — изготовить специальный *ээрен «чаяан чаламазы»*, помогающий бездетным людям обзавестись потомством. Иногда устраивали обряд освящения источника, во время которого шаман с помощью камлания обращался к силам природы о даровании наследника. Таким образом, в традиционном обществе, в отличие от современного, в котором ценности семейной жизни претерпели значительные изменения (в настоящее время в Туве насчитывается несколько десятков детских домов для детей-сирот, в которых содержатся дети, брошенные родителями), ребенок всегда был желанным. Столь трепетное отношение тувинцев к детям отразилось в комплексе родильных обрядов, в котором переплелись различные действия. Их происхождение связано чаще с традиционными добуддийскими ритуалами.

Первая стрижка волос, первый зуб, первое прикармливание, первый шаг — столько поводов для проведения различных по форме церемоний объединенных основной идеей и сходных по общей схеме.

Издавна семья у тувинцев является не только социальным институтом, но и трудовым коллективом, основной ячейкой рода, чем и объясняется ее высокое положение в социальной организации общества.

Экзогамия внутри отцовского рода соблюдается довольно строго. Тувинцы России, Монголии и Китая берут жен всегда из чужого рода и по возможности издалека. Брак внутри отцовского рода расценивается как недопустимое и позорное нарушение обычая. Нерушимость экзогамии поддерживается существующим родовым делением, когда каждый член общества четко осознает свою принадлежность к определенному роду. Только после седьмого поколения от общего предка род у тувинцев разрастается настолько, что на основе него образуются уже два самостоятельных экзогамных рода, которые в отличие от предыдущих могут обмениваться невестами. Наиболее распространенной формой брака является брак по сватовству. Раньше из-за господства в быту патриархальных отношений договор о браке заключался родителями жениха и невесты, а если последние были сиротами, то их родственниками или опекунами. Участие молодых в обсуждении вопросов женитьбы или замужества почти не допускалось. Жених для дочери и невеста для сына выбирались только старшими. В патриархальном семейном быту молодые не осмеливались противоречить старшим, им достаточно было дать формальное согласие на брак, и вопрос считался решенным.

Первая свадьба — самая важная, и не только по причине лишения девственности. У тувинцев России, Монголии и Китая отношение к потере

девственности было спокойным, более того, приветствовалось даже то, если замуж брали молодую женщину с ребенком. В традиционном тувинском обществе наоборот к таким женщинам относились с одобрением, полагая, что в семье будет много детей. Если это был для них повторный брак, то свадебные церемонии упрощались или имитировались.

Со временем в жизни общества произошли большие изменения, и роль родителей в вопросах брака их детей стала не столь решающей. В настоящее время выбор жениха или невесты стал делом самих молодых, хотя мнением родителей по-прежнему очень дорожат. Но в современных условиях родители стали больше доверять своим детям в вопросе выбора ими брачного партнера.

Что же касается буддийского влияния на современную свадебную обрядность, то оно незначительно. В основном ограничивается определением благоприятного времени для заключения брака и отправлением пуджи в честь новобрачных. Однако у тувинцев вступление в брак по-прежнему считается переходом из одного возрастного статуса в другой, именно после свадьбы о женихе и невесте говорят «стал человеком». Во всем остальном свадебная обрядность тувинцев сейчас мало чем отличается от общепринятого стандарта.

Погребальный обряд у тувинцев состоял из нескольких этапов; смысл его заключался в том, чтобы провести границу между миром живых и миром мертвых. В погребально-поминальном обрядовом комплексе у тувинцев России, Монголии и Китая можно выделить три части:

1) обычаи и обряды, связанные с действиями от момента смерти и до погребения покойного (нахождение умершего дома, доставление его к месту погребения);

2) обычаи и обряды, выполняемые по пути к месту погребения, непосредственно при погребении и во время возвращения участников похорон домой;

3) обычаи и обряды, соблюдаемые после похорон до того времени, пока умерший «переселялся» в загробный мир или пока не заканчивались поминки, а также, связанные с проведением поминальных 7 и 49 дней.

Обряды жизненного цикла являются наиболее важными для функционирования социума, они обеспечивают ритм жизни как индивида, так и социума, членом которого он является. Чтобы человек мог стать представителем одного из поколений, он должен пройти через обрядовые действия. Благодаря им, индивид приобретает определенный социальный статус, в процессе обряда его наделяют также атрибутами этого статуса.

Сохранение значимости традиционных механизмов адаптации обусловлено адаптационным и адаптирующим характером культуры и ролью традиции, которая обеспечивает стабильность их существования. Большое внимание было уделено реконструкции некоторых обрядов (стрижка утробных волос, свадьба и погребально-поминальные обряды). Проведенный нами сравнительно-сопоставительный анализ обрядовой культуры

жизненного цикла у тувинцев России, Монголии и Китая позволяет сделать вывод о сохранении ими традиционных черт тувинской культуры в целом, несмотря на проживание в различных регионах. В обрядах жизненного цикла у тувинцев России, Монголии и Китая всегда реализовывалась тема сотворения мира и верифицировалось место человека в космологическом универсуме, фиксировались социальные связи. И обряд как механизм, санкционирующий повседневную жизнь, одновременно выражал и практическое, и символическое. Кроме того, в ходе реконструирования процесса становления обрядов жизненного цикла тувинцев России, Монголии и Китая, определены их место в повседневной культуре и значение для формирования общего и специфического в культуре российских, монгольских и китайских тувинцев в конце XIX – начале XXI вв.;

Обряды жизненного цикла выполняли не только функцию социализации индивида в родном сообществе на определенном этапе, но и оформляли его в виде перехода из одного сообщества и интеграцию в другое. В обрядах тувинцев восстанавливались связи не только среди живущих, но и между потомками и предками, профанным и сакральным мирами. Особую роль играли локусы — центры ритуальной и обрядовой деятельности как места контакта между мирами живых и мертвых.

Этническая специфика, своеобразие тувинцев России, Монголии и Китая выражены в языке через термины, называющие явления материальной и духовной культуры, и лексику, обозначающую родственные и семейные отношения. В ходе полевых этнографических экспедиций было выявлено более 500 терминов и понятий, связанных с обрядами жизненного цикла тувинцев России, Монголии и Китая, в работе представлены, более значимые – 294. Анализ этнографической лексики тувинцев России, Монголии и Китая позволил выделить значительные этноязыковые схождения, что свидетельствует в пользу гипотезы о наличии общих элементов в этногенезе и этнических корнях. Работа в этом направлении только началась и, на наш взгляд, имеет научные перспективы.

При этом следует учесть, что тувинцы России, Монголии и Китая остаются носителями адаптационных систем жизнеобеспечения к местной природной среде, уникального народного знания, своеобразных духовных ценностей. рассматривая дальнюю цель стратегии в отношении тувинцев как сохранение этнокультурного многообразия Центральной Азии, ближние цели должны быть ориентированы на решение современных социально-экономических проблем и противостояния процессам ассимиляции.

Сравнительный анализ характера и особенностей трансформации традиционной культуры трех групп тувинцев, ныне разделенных между собой государственными границами России, Китая и Монголии и живущих каждый в своем уникальном иноэтническом окружении, предоставляет исследователю отличную возможность понять, какие именно аспекты народной культуры оказываются наиболее устойчивыми к внешнему влиянию, и, таким образом, лучше всего воспроизводят ее глубинный код

культуры, а значит и являются гарантом ее непрерывности. В этом смысле предпринятое выше исследование обрядов жизненного цикла тувинцев России, Монголии и Китая актуально не только в контексте исследования проблем глобализации и трансграничного взаимодействия, но и с точки зрения понимания основ функционирования механизмов адаптации малочисленных народов к быстро изменяющимся социально-политическим условиям. Это связано с тем, что обряды жизненного цикла, оформляющие основные этапы жизни человека, сильно подвержены влиянию внешних факторов. В то же время они столь прочно встроены в традиционную культуру и мировоззрение конкретного народа, что дольше и лучше всего хранят и транслируют имманентные этому народу аспекты традиционной культуры в его же собственную повседневную жизнь.

В процессе выявления общего и специфического в обрядовой практике современных тувинцев России, Монголии и Китая, мы обратили особое внимание на особенности этнокультурных связей тувинцев с соседними народами, а также на степень и природу трансформации обрядов их жизненного цикла в условиях иноэтничного влияния. В результате нами были описаны уникальные механизмы взаимодействия тюрко-монгольской культур через ритуально-обрядовую практику, а также определена степень ее сохранности в каждом случае. Было выявлено, что именно обряды, связанные с основными этапами жизни человека, рождением, свадьбой и похоронно-поминальным циклом, демонстрируют наибольшую устойчивость к изменениям. Они сохраняют внутреннюю целостность даже при сильном внешнем давлении и в ситуации, когда все остальные элементы традиционной народной культуры претерпевают кардинальные трансформации. С одной стороны, это позволяет им продолжать транслировать в повседневную жизнь народа его глубинные ценностные универсалии и таким образом поддерживать внутригрупповое единство представителей одного и того же этноса, проживающих на значительном расстоянии друг от друга. С другой, – подобная резистентность к внешним влияниям является залогом того, что культура, сохраняя способность к адаптации и при этом вынужденная развиваться в условиях внешнего давления, не подвергнется эрозии даже в том случае, если в ее распоряжении не остается других механизмов собственного воспроизводства.

В последнее время много говорят о том, что в процессе глобализации народная культура в ее истинном многообразии и в классическом понимании постепенно исчезает, неизбежно унифицируется и в конечном итоге вообще обречена на вымирание. Одним из факторов, цементирующим эту неизбежность, провозглашается при этом влияние со стороны более крупных этнических общностей, а также гомогенизирующая роль государства в целом, и его социально-экономических программ в частности. Благодаря совокупному воздействию всех этих факторов просиходит опрощение сложных форм традиционной культуры и ее последующая встраивание в

лишенные этничности процессы безликого, недифференцированного «развития».

Наше исследование показывает, однако, что в настоящее время ни о какой предопределенности речь не идет. С одной стороны, становится очевидным, что традиционная культура в условиях довольно сильного и притом многоаспектного давления не только не исчезает, но и обретает новый импульс к истинному развитию, которое выражается в адаптации и творческом переосмыслении новых общественных тенденций и последних достижений науки и техники. В свою очередь, это не только не приводит к эрозии и деградации традиционной культуры, но и наоборот – постоянно предоставляет в ее распоряжение новые, все более эффективные инструменты, позволяющие противостоять всем усилиям государства по унификации культурного или демографического поля той или иной страны.

С другой же – проведенное нами исследование показывает, что безотносительно того, в каком социальном, этническом, политическом или экономическом окружении оказывается традиционная культура малочисленного народа, ее базовое содержание всегда остается неизменным. Оно продолжает исполнять изначально присущую ей функцию в том же самом порядке, что и до этого. Соотношение общего и различного в обрядах жизненного цикла тувинцев, проживающих на территории России, Китая и Монголии, которые по причинам исторического и политического свойства оказались в кардинально непохожих социально-экономических условиях, но сохранивших при этом глубинное родство своей культуры, что служит очередной иллюстрацией данного тезиса.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ:

Основные публикации автора в рецензируемых изданиях, индексируемых в базе данных Web of Science и Scopus

1. Айыжы, Е. В. Родовые группы тувинцев Кобдоского аймака Монголии на современном этапе (по материалам полевых исследований) / Е. В. Айыжы, А. А. Конгу // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – Т. 6. – № 1. – С. 34–38. (Scopus, ВАК)
2. Айыжы, Е. В. Священные места цаатанов в сомоне Цагааннуур Хубсугульского аймака Монголии (по материалам полевых экспедиций) / Е. В. Айыжы, А.-Х. О. Базырчап // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – № 1. – С. 31–35. (Scopus, ВАК)
3. Айыжы, Е. В. Традиции природопользования в культуре этнических тувинцев Северо-Западной Монголии / Е. В. Айыжы, А.-Х. О. Базырчап // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 2. – С. 86–90. (Scopus, ВАК)
4. Айыжы, Е. В. Обряды и обычаи, связанные с беременностью женщины у народов Саяно-Алтая (на примере тувинцев и хакасов) / Е. В. Айыжы //

- Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 3. – С. 84–92. (Scopus, BAK)
5. Айыжы, Е. В. Личность как основа сохранения культурно-исторической традиции / Е. В. Айыжы, А. А. Данчай-оол // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2015. - № 3. 2015. – С.82-8. Импакт-фактор: 0,871 (Scopus, BAK)
6. Aiyzhy, E. V. Features of the traditional Tuvan food system. / Aiyzhy, V.T. Likhtan // Japanese Journal of Fundamental and Applied Studies, «Tokyo University Press», 2015, № 1(9). С.254-260.
7. Айыжы, Е. В. Молодежный праздник Ойтулааш в традиционной культуре тувинцев / Е. В. Айыжы, Ш. Б. Майны // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – Т. 9. – №1. – С. 107–113. Импакт-фактор: 0,871 (Scopus, BAK)
8. Айыжы, Е. В. Государственная политика России и Монголии к тувинцам-оленеводам на современном этапе / Е. В. Айыжы, С. Чулуун// Вестник Калмыцкого государственного университета им. Городовикова, 2016, 4(32), - С.40-50. Импакт-фактор: 0,871 (Scopus, BAK)
9. Aiyzhy, E. V. Mongolian tuvans: their ethno-linguistic situation / E. Aiyzhy, M.V. Monguch // International Journal of Biology, Pharmacy and Allied Sciences. 2016. Т. 5. № 12. С. 3397-3403.
10. Aiyzhy, E. V. The Tuvans in China: their language situation / E. Aiyzhy, M.V. Monguch // International Journal of Biology, Pharmacy and Allied Sciences. 2016. Т. 5. № 12. С. 3404-3409.
11. Aiyzhy, E. V. The tuvinians and kazakhs in mongolia: problems of interethnik relations (by example tsengelsum of Bayan-Olgi aimag) / E E. Aiyzhy, M.V. Monguch // International Journal of Biology, Pharmacy and Allied Sciences. 2016. Т. 5. № 12. С. 3410-3415.
12. Айыжы, Е. В. Формы семьи и брака тувинцев России, Монголии и Китая / Е. В. Айыжы // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 1 (29). С. 58-66. Импакт-фактор: 0,871 (Scopus, BAK)
13. Айыжы, Е. В. Погребально-поминальный обряд тувинцев Баян-Ульгийского и Хубсугульского аймаков Монголии / Е. В. Айыжы // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. С. 5. Импакт-фактор: 1,033 (Scopus, BAK)
14. Aiyzhy, E. V. Investigation of generic groups of tuvinians of Xinjiangs uigur autonomous region of China (on materials of field expeditions) / E. V. Aiyzhy, A/O/ Ochur-ool, A. B. Lidzhiev // Astra salvensis Transilvanian Association for the Literature and Culture of Romanian People (ASTRA), 2018. P.369-374. ISSN: 2393-4727 eISSN: 2344-1887.
15. Aiyzhy, E. V. Traditional Methods of Treatment of Kalmyks and Tuvans: History and Modernity / E. V. Aiyzhy, B. A. Shantaev // Astra salvensis Transilvanian Association for the Literature and Culture of Romanian People (ASTRA), 2018. P.501-510. ISSN: 2393-4727 eISSN: 2344-1887.

16. Aiyzhy, E. The Tsaatans borderline life (based on field research) / E. Aiyzhy, D. Kanunnikov, S. Mongush, S. Mongush // Opción, Año 34, Especial No.14, 2018: X- ISSN 1012-1587/ISSNe: 2477-9385.
17. Aiyzhy, E. Sociocultural performance of tuvan officials in the end XIX-beginning of the XX centuries / E. Aiyzhy, S. Chovalig // Opción, Año 34 (Special Issue 15), 2018: X- ISSN 1012-1587/ISSNe: 1650-1686.
18. Айыжы, Е. В. Чай в традиционной культуре калмыков и тувинцев / Т. И. Шараева, Е. В. Айыжы // Новые исследования Тувы, 2019. №4. – С.12. Импакт-фактор: 1,033
19. Айыжы, Е. В. История создания коллекции В. П. Ермолаева как части этнографического источника изучения материальной и духовной культуры тувинского этноса (часть 1) / Е. В. Айыжы, М. М. Мандан-Хорлуу, А. М. Монгуш // Oriental Studies. 2019; (4): 669–681. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681. Импакт-фактор: 0,871 (Scopus, ВАК)
20. Айыжы, Е. В. Коллекция В. П. Ермолаева как этнографический источник изучения материальной и духовной культуры тувинского этноса (часть 2) / Е. В. Айыжы, М. М. Мандан-Хорлуу, А. М. Монгуш // Oriental Studies. 2019; 45 (5), с.926-937: DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5. Импакт-фактор: 0,871 (Scopus, ВАК)
21. Айыжы, Е. В. Женские прически и накосные украшения тувинского этноса: этнографические исследования / Е. В. Айыжы, Р. Б. Ховалыг // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 1. С. 64–74. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-64–74. Импакт-фактор: 0,871 (Scopus, ВАК)
22. Айыжы, Е. В. Охотничьи традиции тувинцев: этнографический аспект / Е. В. Айыжы, А. М. Монгуш // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 359-1370. Импакт-фактор: 0,871 (Scopus, ВАК)
23. Aiyzhy E., Mongush A., Ondar A.K., Seden-Khuurak S., Bildinmaa A. The problems of livestock thegt in Tuva: history and modernity (ethnic and legal aspects) // Pastoralism: Research Policy and Practice. 2021. Т. 11. № 1.
24. Айыжы, Е. В. Функции и семантика свадебных головных уборов женщин как часть материальной и духовной культуры тувинцев / Е. В. Айыжы, Р. Б. Ховалыг // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 5. С. 1006-1015. Импакт-фактор: 0,871 (Scopus, ВАК)
25. Айыжы, Е.В. Обряд сватовства у тувинцев Монголии (полевые материалы авторов) / Е.В.Айыжы, А.В. Айыжы, А.В. Хомушку // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 163-170. Импакт-фактор: 0,871 (Scopus, ВАК)
26. Айыжы, Е.В. Тувинский род монгуш. К историографии вопроса / А.М. Монгуш, Е.В. Айыжы. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 3. С. 575-583. Импакт-фактор: 0,871 (Scopus, ВАК)

**Публикации в журналах, входящих в перечень изданий,
рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего
образования Российской Федерации**

1. Айыжы, Е.В. Центральнoазиатский компонент в генофонде тувинской родоплеменной группы монгуш: к вопросу о монгольском вкладе в этногенез тувинцев / Л.Д. Дамба, Е.В.Айыжы, О.П. Балановский, Н.В. Маркина, М.К. Жабагин, Е.В.Балановская // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология, 2022. №1. С.77-85

Монографии

1. Айыжы, Е. В. Тувинцы Кобдоского аймака Монголии: этничность и культура / Е. В. Айыжы. – Кызыл: КЦО «Аныяк», 2007. – 84 с.
2. Айыжы, Е. В. Исследование межкультурных взаимодействий тувинцев Российской Федерации, Монголии и Китая / Е. В. Айыжы, А-Х. О. Базырчап, А. А. Конгу. – Кызыл: КЦО Аныяк, 2015. - 253 с.

Разделы в коллективных монографиях

1. Айыжы, Е.В. Современные обрядовые практики тувинцев в системе социальных связей: обряды детства / Судьбы кочевых обществ в индустриальном и постиндустриальном мире, Труды Исторического факультета МГУ 122. Серия 2. Исторические исследования №70. СПб: Алетейя, 2018. С.118-155. (37)
2. Айыжы, Е.В. Тувинцы Монголии: расселение и особенности этнокультурного воспроизводства/ Современные обрядовые практики тувинцев в системе социальных связей: обряды детства / Судьбы кочевых обществ в индустриальном и постиндустриальном мире, Труды Исторического факультета МГУ 122. Серия 2. Исторические исследования №70. СПб: Алетейя, 2018. 156-190. (34)

Иные статьи в российских и зарубежных изданиях

1. Айыжы, Е. В. Тувинцы Китая: этничность и культура / Е. В. Айыжы // Сборник научных трудов преподавателей ТувГУ. – Кызыл, 2011. - С 41-43.
2. Айыжы, Е. В. К вопросу поклонения явлениям природы у тувинцев Северо-Западной Монголии / Е. В. Айыжы // XVII-XX зууны эхен уеийн монголын туухийн судалгаа. – Улан-Баатар, 2011.
3. Айыжы, Е. В. Обряды и обычаи, связанные с куклами природы у тувинцев Республики Тыва РФ, Китая, Монголии в начале XXI в. (сравнительный аспект) / Е. В. Айыжы, А-Х. О. Базырчап // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – 3-1(55) – С.18–23.
4. Айыжы, Е. В. Тувинцы Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая (по материалам этнографической экспедиции в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая) / Е. В. Айыжы, А. А. Конгу // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – 3-1(55). – С. 23–28.

5. Айыжы, Е. В. Охранительная магия семьи и семейного благополучия в традиционной культуре тувинцев (сравнительный анализ с хакасами) / Е. В. Айыжы // «Oxford Review of Education and Science», Оксфордское обозрение в сфере науки и образования, 2015, 1 (9). С.596-603.
6. Айыжы, Е. В. Традиционная культура тувинцев Хубсугульского аймака Монголии / Е. В. Айыжы // Proceedings of the 5th International Academic Congress «Science, Education and Culture in Eurasia and Africa», «Paris University Press», 2015. С.494-499.
7. Айыжы, Е. В. Оленеводство жителей Восточной Тувы / Е. В. Айыжы // Asian Journal of Scientific and Educational Research, «Seoul National University Press», 2015, № 1(17). С.166-172.
8. Айыжы, Е. В. Числа как этнографический источник изучения культуры народов Центральной Азии (на примере тувинцев России, Монголии) / Е. В. Айыжы // VI Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая» (12-16 октября 2015 года, г. Хух-Хото, КНР). С.1374-1376.
9. Айыжы, Е. В. Историографический анализ по изучению культов, связанные с охранительной магией семьи и семейного благополучия у тувинцев / Е. В. Айыжы // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: мат-лы XII Междунар. науч. конф. Т.2. Гуманитарные и социальные науки. – Ховд, 2015. – С. 3–7.
10. Айыжы, Е. В. Культ птиц в традиционной культуре народов Саяно-Алтая / Е. В. Айыжы // Oxford Review of Education and Science. – 2015. – № 1 (9). – С. 497–505.
11. Aiyzhy E.V., Bagai-Ool D.V. Rituals and customs associated with the cult of a horse among the peoples of the Sayano-Altai // Australian and New Zealand Journal of Fundamental and Applied Studies. 2015. Т. 5. № 1. С. 450.
12. Айыжы, Е. В. Особенности традиционной системы питания тувинцев / Е. В. Айыжы // Japanese Journal of Fundamental and Applied Studies.–2015. –№ 1(9). – С. 254–260.
13. Айыжы, Е. В. Охранительная магия семьи и семейного благополучия в традиционной культуре тувинцев (сравнительный анализ с хакасами) / Е. В. Айыжы // Oxford Review of Education and Science. – 2015. –1 (9).–С. 596–603.
14. Айыжы, Е. В. Традиционная культура тувинцев Хубсугульского аймака Монголии / Е. В. Айыжы // Proceedings of the 5–th International Academic Congress «Science, Education and Culture in Eurasia and Africa». – Paris: University Press, 2015. – С. 494–499.
15. Айыжы, Е. В. Связь культа медведя со стрельбой из лука в традиционной культуре тувинцев / Е. В. Айыжы // Proceedings of the XVI International Academic Congress «History, Problems and Prospects of Development of Modern Civilization» (Japan, Tokyo, 25-27 April 2015). – Tokyo, 2015. – С. 257–262.

16. Айыжы, Е. В. Категория «возраст и отношение к нему в традиционной культуре тувинцев // Казанская наука. 2015. № 5-2 (112). С. 415-421.
17. Айыжы, Е. В. Современный погребально-поминальный обряд тувинцев Монгун-Тайгинского района Республики Тыва // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-2 (113). С. 436-440.
18. Айыжы, Е. В. Погребально-поминальный обряд тувинцев России, Монголии и Китая: этнографический аспект// В сборнике: Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири и Северного Китая. Материалы XII Международной конференции. Иркутск, 2023. С. 248-252. (5/5)
19. Айыжы, Е. В. Обряд «таакпылажыр» в традиционной культуре тувинцев России, Монголии и Китая: этнографический аспект (на основе полевых материалов// Дәстүрлі рәсімдер есте қаларлық мәдениеттің көрінісі ретінде: далалық Еуразияның символдық капиталының ресурстары мен стратегиялары. Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары | Традиционная обрядность как манифестация помнящей культуры: ресурсы и стратегии символического капитала степной Евразии. Материалы международной научно-практической конференции. Астана: Алтын Кітап, 2023. С.60-64 (5/5).